

Кавказская старина

Статьи и заметки.

«Предисловие к книге «История адыгейского народа» и краткий биографический очерк Шоры Бекмурзина Ногмова».

Шора Бекмурзович Ногмов – общественный деятель, историк, лингвист этнограф, внесший неопределимый вклад в культуру адыгов. Наиболее известное литературное произведение Ш. Б. Ногмова – «История адыгейского народа» было выпущено в 1861 году под редакцией известного кавказоведа Адольфа Петровича Берже, ставшего первым биографом основателя современной адыгской письменности и фольклористики.

История самого просветителя до сих пор известна лишь фрагментарно, что объясняется небольшим количеством

письменных свидетельств тех лет. Адольф Петрович Берже, готовивший биографический очерк об авторе к первому изданию «Истории адыгейского народа», отмечал:

«...Самые сведения о жизни автора предлагаемой статьи касаются более внешних сторон его жизни, что по необходимости обуславливается свойством тех источников, какие мы имели под рукой. Для характеристики его внутреннего развития, к сожалению, у нас не было никаких данных. А такая характеристика представила бы живой интерес, как и все, касающееся внутреннего мира и нравственных качеств человека, который вправе быть назван передовым, особенно в той среде, в какой назначено ему было судьбой родиться и жить...».

Год рождения Шоры Ногмова до сих пор не известен, временной период варьирует от 1794 до 1801 года.

Адольф Берже сообщает: *«Шора Бекмурзин Ногмов родился в бывшем ауле Ногмова, на реке Джуце, близ Пятигорска, и, как должно полагать, в 1801 году».*

Его отец Бекмурза Ногмов в довольно сложной сословной системе кабардинцев считался «уорком» – мелким дворянином. Мужская часть семейства Ногмовых довольно рано заметила, что мальчик проявляет тягу к знаниям, поэтому было принято решение отправить его в село Эндери для обучения в медресе.

Берже писал: «Сын небогатого отца, Шора Ногмов с юных лет выказывал особенное влечение к книгам; эта-то склонность, по мере своего развития, впоследствии и выдвинула его из ряда соплеменников. На 18-м году он уже основательно знал арабский язык, которому выучился в земле кумыков... Кроме языка арабского и своего природного, он хорошо знал турецкий и персидский»

По окончании духовной школы Ногмов отказался от места сельского муллы, поскольку обладал желанием посвятить себя научной и просветительской деятельности. Он решил, что наилучший путь для этого лежит через службу в российской армии, которая

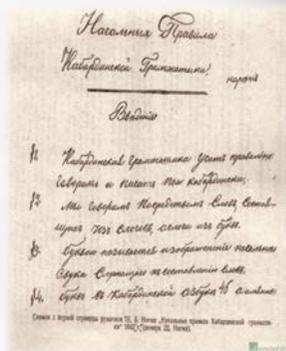
оставалась единственным средством к достижению этих целей.

Академик упоминает: «На 25-м году Шора Ногмов пожелал изучить русский язык, и с этой целью явился к командиру 1-го Волгского казачьего полка, подполковнику Лучкину, с просьбой поместить его в полковую канцелярию. Здесь он пробыл около трех или четырех лет, в течение которых успел до того усвоить себе русский язык, что в 1828 году был прикомандирован для обучения содержащихся в крепости Нальчике аманатов из разных горских племен русскому и турецкому языкам. Обязанность эту он выполнял с необыкновенным усердием и успехом».

Образованность Шоры Ногмова, знание им нескольких языков привлекли к нему внимание командования Кавказской линии, которое дает ему место переводчика, а затем назначает полковым писарем.

В 1830 г. Шора Бекмурзович отправляется в Петербург для несения службы в лейб-гвардии Кавказско-горском полуэскадроне. В столице России он намеревался получить новые возможности для

образования. Но сначала его, как оруженосца полуэскадрона, отправляют в польский поход. Там он отличился и был награжден знаком военного ордена святого Георгия, знаком за военные достоинства 5-й степени, а также произведен в офицерский чин. После этого Шора Ногмов покинул казарму, арендовал квартиру в тихом районе Петербурга и приступил к работе над грамматикой кабардинского языка. Там же в столице Ногмов встречается с известным французским ученым-востоковедом, профессором Шармуа, заведовавшим кафедрой персидского языка в Петербургском университете. Занятия с Ногмовым вызвали у него большой интерес к кабардинскому языку, поэтому, возвращаясь в 1835 г. во Францию, он взял с собой один экземпляр рукописи Ногмова, чтобы издать её в Париже. В том же году петербургская жизнь Шоры Бекмурзовича заканчивается: его в должности поручика откомандировывают в Тифлис в Отдельный Кавказский корпус.

В Тифлисе он знакомится с создателем осетинской грамматики, академиком Андреасом Шегреном. По его совету Шора Бекмурзович разработал грамматику кабардинского языка на арабской основе. Со своей стороны и Ногмов оказался полезным академику: в письмах в Академию наук Шегрен сообщал: *«Я вкратце излагал ему свои грамматические наброски и, кроме того, извлекал пользу из его устных толкований ко всему неясному и сомнительному»*. В 1840 г. Ногмов завершает свой труд – «Начальные правила адыгейской грамматики». Это была первая в истории адыгов разработка грамматики их родного языка.

Помимо лингвистических исследований на протяжении всей жизни он занимался сбором материалов национального фольклора. Впоследствии эти данные стали основой его нерукотворного памятника – фольклорного сборника «Черкесские предания», позднее переименованного в «Историю адыгейского народа, составленной по преданиям кабардинцев». Поэтизированное изложение истории адыгов на русском языке стало просветительским подвигом

Шоры Ногмова, на протяжении долгих десятилетий она оставалась единственным произведением, воссоздающим с наибольшей полнотой национальный облик черкесов.

В «Истории» прослеживается процесс этнического формирования адыгского народа, повествуется о его жизни и борьбе за независимость, политическом строе, общественном и семейном быте, материальной и духовной культуре, исторических контактах с другими народами. Нельзя не упомянуть, что «История адыгейского народа» (как и другие работы Ногмова) была опубликована посмертно в тбилисской газете «Кавказ» в 1856 г. Лишь в 1861 г. в Тбилиси А. П. Берже издает полный текст книги, указав на обложке: *«Напечатана с подлинной исправленной рукописи и дополнена предисловием и биографией автора...»*. С тех пор сборник переиздавался восемь раз.

О завершении жизненного пути просветителя Берже пишет: *«Окончив этот знаменательный труд в 1843 году, Шора Ногмов пожелал до напечатания подвергнуть его рассмотрению С.-Петербургской Академией наук, а потому просил ходатайства бывшего начальника Центра князя Эрнстова (впоследствии кутаисского генерал-губернатора) о доставлении ему средств к поездке в столицу и о назначении ему, на время пребывания о ней, необходимого содержания. По доведении о сем до сведения государя, последовало разрешение на отправление этого офицера в Петербург, с прикомандированием его лейб-гвардии к Кавказскогорскому полуэскадрону и с производством ему со дня прибытия в столицу до возвращения на Кавказ содержания наравне с штаб-ротмистром упомянутого полуэскадрона. Но, к сожалению, Шора Ногмов не успел довершить начатое и вскоре по приезде в Петербург был разбит параличем и там умер в июне 1844 года»*.

В конце своего повествования академик упоминает, что лично знавшие Шору Ногмова кабардинцы были свидетелями его знакомства с А. С. Пушкиным, произошедшего в Пятигорске. Результатом сего стала обоюдная помощь: Ногмов содействовал поэту в собрании местных народных преданий, а поэт, в свою очередь, исправлял перевод песен с адыгейского на русский язык. Исследователи предполагают, что Ш. Б. Ногмов мог быть прототипом пушкинского Тазита из одноименной поэмы, а современные писатели и живописцы Кавказа обыгрывают эту тему в своих произведениях.

